

**КАРХАЙМ:
ЦЕНА РАЗВИТИЯ**

Михаил Филатов

Цена Развития

<https://litres.ru/74323383>

SelfPub; 2026

Аннотация

Какую цену платят те, кто развивается истово, жадно, и не обращает внимание на последствие? Какую цену готовы заплатить те, кто хочет стать сильнее?

И какую цену платит весь - Вид. Когда приходится расплачиваться за гордыню и высокомерие?

Содержание

Глава 1. Горящий квартал. Посольство

4

Конец ознакомительного фрагмента.

22

Михаил Филатов

Цена Развития

Глава 1. Горящий квартал. Посольство

Запах пришёл первым. Уильям открыл глаза в темноте и первая мысль была нелепой, почти домашней, кто-то жжёт листья во дворе. Но был март, никаких листьев и запах был неправильным, едкий с привкусом горячей резины и чего-то химического, что щипало в носу глубже, чем дым от камина.

Он сел на кровати. За окном, а он не задёргивал шторы почти никогда, привычка с фермы, там некого бояться, там горизонт и поля с культурами, за окном было слишком светло для трёх ночи. Оранжевый свет лежал на потолке неровными пятнами, дышал, разрастался, опадал и снова разрастался. Уильям смотрел на эти пятна несколько секунд, не меньше, прежде чем до него дошло.

Пожар, квартал за Честнат-стрит. Он встал и подошёл к окну, ещё не до конца понимая, три квартала к северу небо было красным. Не закатным, злым и рваным, с чёрными столбами, которые поднимались и растворялись в дымном мареве. Где-то там хлопнуло раз, потом ещё раз, звук, кото-

рый не перепутаешь ни с чем если слышал хоть раз. Уильям слышал, он вырос в Теннесси, и отец брал его на охоту с двенадцати лет.

— Линн. Он произнёс это вполголоса, почти без интонации, потому что горло ещё не проснулось. Она спала на его стороне, отвернувшись к стене, волосы разметаны по подушке, светлые, пшеничные, он всегда думал что это самое красивое, что он видел в жизни.

— Линн, вставай. Она пошевелилась, что-то пробормотала, вопрос без слов.

— Вставай, повторил он уже иначе. — Там горит. Вставай, Линн.

Она открыла глаза и посмотрела на него, и, видимо, что-то было в его голосе, потому что она не стала спрашивать «что случилось» и не потянулась за телефоном. Просто встала.

Уильям прошёл в детскую. Маленький Харад, они звали его просто «малой», имя ещё не прилипло как следует, слишком маленький был, лежал в кроватке на спине, раскинув руки, как будто спал крестом. Уильям взял его, и тот не проснулся сразу. Потом разлепил глаза, тёмные и серьёзные, совсем не сонные, как будто и не спал вовсе, а просто ждал. Не заплакал. Уильям не знал, хорошо это или плохо, он прижал сына к плечу и вернулся в комнату.

— Одевайся быстро, тепло, и обувь нормальную.

Линн уже натягивала джинсы. С улицы донёсся звук разбитого стекла, один, потом сразу несколько, целая дробь, как

будто кто-то методично проходил по витринам. Потом они слышали голоса, испанский, быстрый и злой, с выкриками, которые Уильям не понимал, но интонацию читал без перевода. Потом английский, кто-то орал что-то про свой дом и свои права. Потом автоматная очередь, короткая, злая, и всё смолкло на пять секунд.

Потом снова, стекло, голоса. Уильям стоял посреди комнаты с сыном на руках и чувствовал, как что-то перестраивается внутри. Не страх, страх был, но где-то на периферии. Что-то более холодное и более ясное занимало центр: список. Что взять. Куда идти и как.

Документы. Наличные, он знал где всё лежит, он всегда знал, где лежат наличные, Линн смеялась, что он как дед во время депрессии. Паспорта, свидетельство о рождении малого, нож охотничий, с наборной ручкой, висел на крючке в прихожей, он привёз его из Теннесси как единственное, что взял из отцовского дома.

— Уилл, сказала Линн, и в её голосе не было паники, только вопрос. — Куда мы идём?

— Через чёрный ход, сказал он. — На Клейтон и потом на юг. Там участок.

Он передал ей сына, тот перебрался к матери без звука, только схватился за её волосы маленьким кулаком, и пошёл в прихожую. Куртка, нож на пояс. В ящике под зеркалом: паспорта в файлике, наличные в конверте, он пересчитал не глядя, нащупывая пачку на ощупь, документы на малого. Из-за

угла, с Честнат-стрит донёлся звук, который он раньше слышал только в кино. Длинная очередь, потом ещё одна, потом что-то тяжёлое ударилось о землю. Крик, один, короткий, и снова тишина.

Уильям застегнул куртку.

— Ты готова?

— Да.

Линн держала малого крепко, прижав его к себе спиной вперёд, и тот смотрел поверх её плеча на отца, спокойно, серьёзно, как будто происходящее было ему понятно или, наоборот, настолько непонятно, что пугаться было ещё рано.

— Через чёрный ход, повторил он, уже для себя. — Держись за мной.

* * *

Переулок оказался темнее, чем Уильям ожидал. Фонари не горели или их разбили раньше, а может отключилось питание по всему кварталу, не разберёшь. Единственный свет шёл с параллельной улицы: оранжевый, живой и дрожащий. Горела машина. Уильям понял это не сразу, сперва увидел просто свет, тёплый и в чём-то даже красивый, только потом запах добрался до него сквозь холодный воздух, резина и масло, ещё что-то химическое, едкое, что садилось в горле.

На перекрёстке копошилась толпа. Он насчитал человек двенадцать, но скорее всего больше, в темноте не поймёшь

сразу. Витрина магазина была выбита начисто, стекло хрустело под ногами, и люди тащили что-то внутрь и наружу, передавая из рук в руки. Электроника, коробки, что-то в пакетах. Один тянул за собой манекен, зачем, непонятно, но тянул упрямо, как будто это имело смысл.

Уильям взял Линн за руку и потянул влево, вдоль кирпичной стены.

— Не туда, шепнул он, хотя шептать было незачем, шум с перекрёстка перекрывал всё. — Обходим.

Линн кивнула. Малой сидел у неё на руках, завёрнутый в куртку поверх своей, и молчал. Уильям на секунду поймал его взгляд, тот смотрел не на огонь и не на толпу, а на отца, серьёзно. Уильям отвернулся и повёл их вдоль стены. Они шли быстро, не бегом, бег привлекал внимание, он откуда-то это знал, наверное из чего-то прочитанного или услышанного в прошлом, или с армии остались знания, не важно. Шаг уверенный, голову не задирать. Линн держалась вплотную за его спиной, её дыхание он слышал у себя над плечом, ровное и контролируемое, она держалась хорошо, лучше, чем он ожидал. Малой перебрался к нему в какой-то момент, не говоря ничего, просто вцепился двумя руками в воротник его рубашки и так и сидел, маленький тёплый груз на левой руке.

Они свернули за угол, здесь было тише. Мусорные баки, чьи-то велосипеды примотанные к трубе, пожарная лестница уходила вверх в темноту. Уильям прошёл ещё двадцать

шагов и остановился, пересчитал ориентиры соображая, где они. Клейтон должна быть прямо, через арку. Там прямо и на юг.

— Ты как, в порядке? тихо спросил он, не оборачиваясь.

— Да, сказала Линн, немного помолчав, она спросила. —

Уилл, это надолго?

Он не ответил, потому что не знал. Потому что правильный ответ был не тот, который она хотела услышать.

Они пошли через арку, очередь пришла из темноты слева, короткая на три или четыре выстрела подряд, и Уильям почувствовал, как Линн толкнула его в спину. Не руками, всем телом, неконтролируемо, как будто что-то ударило её сзади и передало импульс через неё в него. Он развернулся, но она уже падала, медленно... ему так казалось, хотя он понимал, что это неправда, что это просто голова замедляла то, что не могла принять. Колени подогнулись первыми, потом она осела на бок, и он успел подхватить только её плечо, не больше. Малой закричал, первый раз за всё это время, один короткий крик и сразу замолчал.

Уильям прижался к стене, закрыв сына собой, спиной к кирпичу. Сердце колотилось так, что мешало думать. Темнота слева была тихая, никакого движения, никаких голосов, только запах пороха, ветер и далёкий гул с перекрёстка. Он посмотрел вниз, Линн лежала на асфальте. Он видел её руку, раскрытую ладонью вверх, пальцы чуть согнуты. Видел, как она дышала, раз, ещё раз, и потом резко перестала на по-

луддохе. Уильям стоял неподвижно, прислонившись к стене, малой на его руке не шевелился. Где-то в голове происходило что-то, не мысли а просто давление, как будто слишком много воздуха в закрытой комнате, и он не давал ему выйти, потому что если выйдет, то он не встанет.

Он не знал, сколько прошло, потом поднял голову и осмотрелся. Темнота молчала. Уильям переложил малого на правую руку, проверил, что тот держится, тот держался, крепко, обеими руками за рубашку как клещами, и пошёл вперёд. Туда, где была арка и Клейтон-стрит.

Он не оглянулся, не потому что не хотел. Он хотел всем, чем можно хотеть, обернуться и посмотреть последний раз, и сделать что-то, что делают люди в таких случаях, он не знал точно что, просто что-то человеческое. Но он чувствовал, что если остановится, то не пойдёт дальше. Что остановка станет концом движения, и он просто сядет рядом с ней на этом асфальте под чужой аркой в чужом горящем городе, и тогда малой тоже не пойдёт никуда. Этого он себе не позволил, заставил сделать себя первый шаг, потом ещё шаг. Арка пропустила их в холодный воздух Клейтон-стрит. Где-то вдали выла сирена, одна, потом замолчала на полуслове.

Малой всё ещё держался за его рубашку. Уильям шёл на юг.

* * *

Участок стоял на углу Клейтон и Меридиан, построенное здание из старого и хорошего кирпича, трёхэтажный, построенный ещё в те времена, когда кирпич был материалом для чего-то постоянного. Сейчас он выглядел как последний зуб во рту: окна задраены бронированными ставнями, перед входом стальные решётки поверх ступеней, над дверью был в прожектор. Внутри горел свет. Это Уильям увидел сквозь щель между ставнями, жёлтый, обычный и казённый свет, как будто там просто работают люди. Занимаются делами.

Снаружи с крыши торгового центра напротив тянуло гарью. Дым шёл низко, стелился по асфальту клочьями, как туман в кино про войну. Уильям подошёл к решётке. Малой сидел у него на левой руке, держался за рубашку, не плакал, просто держался, и это молчание было тяжелее, чем крик. Уильям взялся за прутья правой рукой и потряс. Потом ещё раз. Потом нашёл кнопку домофона сбоку, вдавил её и держал.

Долго ничего не было. Потом за стеклом двери появился человек в форме. Молодой, меньше тридцати, с бейджем на груди и бронежилетом поверх синей рубашки. Он подошёл к двери, остановился в метре от стекла и посмотрел на Уильяма. Потом взгляд скользнул на малого. Офицер что-то оценивал их недолго, всего секунду, может две, потом покачал головой. Медленно, почти извиняющимся жестом, как будто объяснял что-то само собой разумеющееся.

Уильям нажал домофон ещё раз. Офицер поднял руку, по-

казал в сторону, туда, откуда Уильям пришёл, или просто в сторону, он не понял, потом произнёс что-то. Сквозь сталь и стекло не было слышно ничего, но губы читались просто: периметр закрыт, приказ сверху.

— Слышь, сказал Уильям.

Тихо и ровно, он ещё держался.

— У меня ребёнок. Двухлетний. Жену только что убили в квартале отсюда. Мне нужно внутрь.

Офицер не двинулся с места, просто и равнодушно смотрел.

— Открой дверь, сказал Уильям. — Просто открой дверь, и всё.

Офицер снова покачал головой. Теперь без извинения в жесте. Просто нет.

Что-то внутри у Уильяма переменялось, не сломалось, не лопнуло, просто переменялось, как переключают передачу, и он почувствовал, как гнев поднимается спокойно и методично, без дрожи, и это было хуже, чем если бы с дрожью.

— Ты видишь ребёнка, сказал он громче. — Ты видишь его прямо сейчас. Ты смотришь на него.

Офицер за стеклом не шевелился. Руки сложены перед собой. Лицо профессиональное, то лицо, которому учат чтобы не давать ничего читать.

Уильям сделал шаг назад от решётки. Переложил малого на правую руку, тот перехватился руками автоматически, не глядя, как будто давно привык, и Уильям выровнял дыхание.

Один вдох, второй. Потом он сказал всё, что думал.

Не быстро, а медленно, и подбирая слова с той же тщательностью, с которой подбирают инструмент для работы. Он сказал офицеру лично, по-человечески и без обиняков, что именно тот из себя представляет и что он делает в эту ночь, надевая форму и стоя за стеклом. Сказал про участок, про то, для чего он построен и для кого, и чем то, что происходит сейчас, отличается от того, для чего он предназначен. Сказал про приказ сверху и про тех, кто этот приказ отдал, коротко и ёмко, с конкретными анатомическими подробностями относительно того, куда им следует этот приказ засунуть. Сказал про город. Про всю систему, которую этот участок олицетворяет, и про то, чего она в итоге стоит, если вот это, две решётки и бронированная дверь между вооружёнными бандами снаружи и казённым светом внутри, считается работой. Голос у него не поднимался выше разговорного. Он не кричал. Это было хуже крика, он сам это чувствовал, и, кажется, офицер за стеклом тоже, потому что тот отвёл глаза куда-то в сторону.

Малой смотрел на него спокойно. Большими глазами, без страха, как смотрят, когда ещё не понимают слов, но чувствуют, что это важно. Уильям замолчал. Стоял и смотрел на ублюдка, которому было наплевать. Тот смотрел не на него а куда-то мимо, в сторону, туда, где не было ничего, кроме стены с объявлениями. Ведь это так просто, взять и прикрыться приказом. И не ощущать себя виноватым ни в чём, что про-

исходить за пределами участка...

Уильям развернулся, он слышал или ему казалось, что слышал, как за стеклом кто-то сдвинулся с места. Шаг. Может быть, офицер всё-таки шёл к двери. Может быть, нет. Уильям не обернулся проверять, один раз за вечер он уже позволил себе посмотреть назад, и хватит.

Он пошёл на юг. Малой продолжал держаться за рубашку.

* * *

Он пошёл на юг. Не потому что знал наверняка, потому что помнил: посольство было на юге относительно их квартала, и если держать примерно это направление, никуда не сворачивая без причины, рано или поздно должно появиться. Рано или поздно. Слова эти он в голову не пускал, только направление держал. Малой спал у него на плече. Уильям заметил это не сразу, просто в какой-то момент почувствовал, что тот перестал сжимать рубашку пальцами, и голова стала тяжелее, мягкой тяжестью, как бывает только у спящего ребёнка. Он на секунду притормозил, прислонился к стене между двумя выбитыми витринами и переложил малого на правое плечо, поправил голову. Тот засопел, не просыпаясь.

Хорошо, подумал Уильям. Так будет лучше, плакать не будет. Не закричит в темноте, когда не надо. Он нёс его дальше и думал о том, что это, наверное, единственная хорошая вещь, случившаяся за сегодняшнюю ночь.

Улица впереди горела, не дом, а мусорные баки вдоль тротуара, и огонь давал достаточно света, чтобы видеть шагов на двадцать. Дым шёл низко, ел глаза. Уильям опустил голову, прикрыл ладонью лицо малого и прошёл вдоль другой стороны, там, где между огнём и стеной оставался коридор.

Он знал этот район. Не как турист, а как человек, который ходил здесь несколько лет подряд: на работу, в магазин, к Карлосу на угол за кофе по утрам, потому что Карлос делал его правильно и стоил он правильно. Вот тут был магазин с синей вывеской, сейчас вывески не было, только дыра в витрине и осколки на тротуаре. Вот тут была парикмахерская, дверь нараспашку, внутри темно, кто-то всё равно уже там побывал. Он шёл по памяти, и это было странное чувство: ориентироваться по карте места, которое стало другим местом.

На перекрёстке он услышал их раньше, чем увидел, голоса и злорадный смех, звук разбивающегося стекла, весёлый и деловой одновременно. Уильям свернул в переулок между домами, прижался к стене и переждал. Мародёры прошли мимо с тележкой из супермаркета, четверо, с фонарями и не торопясь, как люди, что занимаются привычной им работой. Один нёс за лямки дорогой рюкзак, явно только что срезанный с кого-то. Уильям смотрел на них из темноты, не двигаясь, и думал о том, что злиться на них у него уже нет сил.

Малой не просыпался. Второй раз пришлось укрываться серьёзнее. Он услышал их задолго, звук шагов, много и сла-

женно, не как толпа. Нырнул в подъезд, дверь которого болталась на одной петле, встал в нишу за почтовыми ящиками, накрыл малому голову рукой. Через разбитое боковое окно увидел: балаклавы, тёмная одежда, у нескольких за спиной оружие. Они шли сосредоточенно и быстро, не останавливаясь. Чья сторона, непонятно, может, ополчение, но вряд ли. Уильям стоял и не шевелился, пока последний из них не скрылся за углом и звук шагов не затих.

Вышел и пошёл дальше. Левая рука занемела, он снова переложил малого, поморщился, поменял плечо. Ноги к этому времени уже не болели. они просто были как два чужих тяжёлых предмета, которые нужно было тащить с собой. Дым за кварталом стал гуще: там горело что-то большое, капитально, с чёрными клубами до неба. Уильям обошёл это место через параллельную улицу, срезав крюк, который добавил, наверное, с километр.

Он не думал ни о чём конкретном. Думать было незачем, нужно было только идти. На какой-то момент ему показалось, что он заблудился, улица вышла не туда, куда он ожидал, и он стоял на перекрёстке, глядя на незнакомые, хотя и знакомые дома, пытаясь совместить то, что видит, с тем, что помнит. Потом нашёлся, вон та аптека с зелёным крестом, давно не работающим, но крест был цел, и скорректировал курс. Ещё один квартал. Ещё один.

Малой пошевелился во сне, устраиваясь поудобнее, ухватил рубашку снова и рефлекторно, не просыпаясь. Уильям

поправил его, придержал ладонью спину.

— Ничего, сказал он тихо, не малому, себе. — Осталось ещё немного, потерпи сын.

И тут за поворотом. сразу, без предупреждения, посольство.

Уильям остановился. Он стоял на тротуаре и смотрел, как будто не доверял тому, что видит. Ворота, не деревянные, а настоящие, толстый металл и бетон. Защищённые прожектора над въездом, белый резкий свет, и в этом свете видно было чисто и далеко, асфальт без битого стекла, ограждение без граффити, флаг России над зданием, неподвижный в тёплом ночном воздухе. И охрана: двое у ворот, ещё двое чуть правее, все на месте, все с оружием и в броне, и это оружие не направлено никуда, просто при людях, у людей, которые стоят там, где и должны стоять.

Живые люди, и которые никуда не уходили. Уильям выдохнул. Это вышло медленно и нервно, как будто он не дышал последние полчаса и только сейчас вспомнил.

Он перехватил малого покрепче и пошёл к воротам.

* * *

Охранник у ворот увидел его издалека, Уильям это понял по тому, как тот чуть переменял позу, не напряжённо, но внимательно, и что-то коротко произнёс в рацию, не отводя взгляда. Белый, лет тридцати пяти, кровь на рубашке засохла

и потемнела, ребёнок на левой руке. Наверное, именно так он и выглядел человек, которого нужно куда-то определить.

Уильям шёл к воротам ровно, не торопясь, и держал руки на виду. Второй охранник сделал шаг вперёд, простой и не угрожающий, скорее уточняющий. Что-то сказал по-русски. Уильям не понял ни слова. Он остановился в метре от ворот и посмотрел на охранника прямо.

— Asylum, сказал он. Слово вышло ровно, почти без интонации. — My wife is dead. He is two years old.

Он поднял сына чуть выше, не для эффекта, просто чтобы было видно. Малой не проснулся; только слабее уткнулся в плечо и снова обмяк.

Охранник смотрел на него секунду, потом опять сказал что-то в рацию, но теперь фраза была длиннее. Уильям стоял и ждал. Прожектора над воротами светили в глаза, и он немного опустил голову. За спиной, где-то за два-три квартала, гудело пламя и изредка хлопало, одиночные выстрелы, иногда слышались очереди.

Ворота открылись. Внутри было другое всё. Асфальт ровный, без выбоин, свет устойчивый и белый, а воздух как будто здесь не было дыма, хотя снаружи он был везде. Уильям понял, что это иллюзия: просто здесь было чисто, и поэтому казалось, что воздух тоже другой. Его провели коротким коридором и вывели в небольшое помещение, стол, несколько стульев, флаг в углу. За столом сидел офицер, рядом с ним женщина лет сорока с блокнотом. Офицер что-то ска-

зал; женщина подняла голову и произнесла по-английски, без акцента, деловито:

— Ваше имя. Гражданство. Причина обращения.

— Уильям Харад. Гражданин США. Моя жена убита сегодня ночью. Прошу убежища для себя и сына.

Женщина переводила. Офицер слушал, не глядя на Уильяма. Задал вопрос.

— Где и при каких обстоятельствах погибла супруга?

— Квартал Линкольн-Хайтс. Бандиты с автоматическим оружием. Около одиннадцати вечера.

Ещё вопрос.

— Есть ли у вас документы, удостоверяющие личность?

— Паспорт.

Он вытащил паспорт левой рукой, правой держал сына, и положил на стол. Офицер взял, просмотрел, сказал что-то негромко, без интонации. Женщина кивнула и что-то пометила в блокноте.

Потом в комнату вошла ещё одна женщина в гражданском, но с каким-то значком на груди. Она посмотрела на малого и что-то сказала мягко. Переводчица обернулась:

— Ребёнку нужен осмотр. Медицинский персонал проверит состояние, стандартная процедура. Это займёт несколько минут.

Уильям не ответил сразу. Он стоял и смотрел на эту женщину с значком, потом перевёл взгляд на малого. Тот так и спал, щекой на его плече, губы чуть приоткрыты, ресницы

не шевелятся. Уильям знал, что это правильно, осмотр это правильно, они делают своё дело, и всё равно что-то в груди сжалось и не отпускало.

Он разжал руки. Не сразу. Сначала убрал ладонь со спины, потом со лба, малой пошевелился, засопел, приоткрыл глаза и тут же закрыл, и женщина приняла его, держала уверенно и правильно, как держат детей люди, привыкшие держать детей. Малой опять затих.

Они вышли. А Уильям остался стоять у стены. Офицер что-то произнёс, наверное, что ему можно сесть. Уильям сел на металлическую скамью вдоль стены, руки были пустые. Он смотрел в стену напротив. Стена была серая, крашеная, без ничего, только кабельный короб под потолком и маленькая вентиляционная решётка. Уильям смотрел на решётку. Где-то за стеной работал кондиционер; его не было слышно, только чуть чувствовалось движение воздуха у щиколотки.

Впервые за несколько часов он не двигался. Это было странное ощущение, как будто тело не знало, что с этим делать. Ноги всё ещё ждали следующего шага; плечи держали напряжение, от которого незачем было держаться. Уильям медленно выдохнул и почувствовал, как что-то в мышцах спины отпускает, не до конца, но чуть-чуть. Он не думал о Джессике, и не потому что не хотел. Просто разум не хотело вспоминать сейчас то что произошло. Там было что-то, чего он пока не мог трогать, как не трогают горячее, когда знают, что обожгут, и просто обходят стороной, пока не остынет.

Офицер куда-то ушёл, переводчица с блокнотом тоже. В комнате остался только Уильям и тихое гудение вентиляции. Он сидел и смотрел в стену, прошло, наверное, полчаса, может и меньше. Потом в дверях появился другой человек, молодой, в штатском и с тонкой папкой в руке.

— Господин Харад? Он говорил по-английски медленно, выговаривая каждое слово, явно не родной язык, но приемлемо.

— Ваш сын в порядке. Небольшое переохлаждение, ему сейчас дали тёплое питье и уложили. Можете видеть его через несколько минут.

Уильям кивнул. Молодой человек раскрыл папку, взглянул на лист.

— Вам предоставлено временное убежище. Документы оформим утром.

— Хорошо, сказал Уильям.

Молодой человек, кажется, ожидал ещё чего-то, вопросов, возможно благодарности, или другой реакции. Уильям не дал ничего из этого. Он просто сидел на скамье, и смотрел не на него, а куда-то мимо, на кабельный короб под потолком, на вентиляционную решётку, на серую крашеную стену.

Молодой человек кивнул и вышел. Снаружи, где-то за два или три квартала, что-то снова ухнуло, один раз, тяжело. Потом ещё раз, и тишина. Уильям не повернул головы.

Его сын спал в соседней комнате. Это было всё, что он знал, и пока ему этого хватало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.